

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44
Д46

© by Thienemann in Thienemann Esslinger Verlag GmbH,
Stuttgart By Julia Dippel (author)

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:
© bogadeva1983 / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Диппель, Юлия.
Д46 За Золотым мостом / Юлия Диппель ; [перевод
с немецкого А. Колиной]. — Москва : Эксмо, 2020. —
512 с. — (Young Adult. Кассардим).

ISBN 978-5-04-102094-1

Амайе исполнилось шестнадцать. Уже восьмой раз подряд. Ее родители не стареют, а братья и сестры не похожи друг на друга. Девушка любыми способами пытается выяснить, кто она на самом деле. Но мать и отец делают все возможное, чтобы сохранить семейную тайну: постоянные переезды, строгие правила и даже контроль над разумом давно стали чем-то привычным для Амайи.

Однако все меняется, когда в их доме появляется пленник. Таинственный юноша по имени Ноар пришел, чтобы открыть Амайе правду. Но для этого девушке придется отправиться в Кассардим — царство мертвых, куда живым путь закрыт. Готова ли Амайя навсегда оставить земную жизнь ради правды или человеческому сердцу не дано покинуть этот мир?

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-102094-1

© Колина А., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ЛИФТЫ НЕБЕЗОПАСНЫ



Пульсирующая зеленая линия и ее писк, повторяющийся с определенной частотой, показали мне смерть непривычно близко. Я еще ни разу не пережила смерть человека, никогда не наблюдала, как кто-то мучительно медленно приближается к своему концу.

— Хотя бы попытайся не выглядеть такой шокированной, — пробормотала Зои. — Я прекрасно знаю, что сейчас выгляжу бледнее, чем ты.

Внешний вид подруги и в самом деле шокировал меня, и это еще слабо сказано. Я чувствовала себя так, словно кто-то выбил почву у меня из-под ног. Это хрупкое нечто под больничной простыней едва ли имело что-то общее с моей Зои. С этой полной жизни девушкой, что забавно пританцовывала, получив хорошую оценку, и громко пела, пока ехала на велосипеде домой. И ее не волновало, слышал ее при этом кто-то или нет. Я не видела свою подругу два года. Два года, что изменили Зои до неузнаваемости. Не было ее сияющей улыбки и живого блеска в глазах. Ее лицо прекрасного карамельного оттенка и горячо любимая афроприческа также пали жертвами химиотерапии.

— Почему ты не сказала мне об этом раньше? — мне с трудом удавалось держать свой голос под контролем.

Уголки рта Зои немного приподнялись. Ее вид разбивал мое сердце. Мы познакомились в Цюрихе на джазовых танцевальных курсах, где Зои восхищала всех тем, как энергично она могла двигаться. Теперь же ей едва хватало сил даже для незначительного движения. Когда подруга жестом подозвала меня к себе, она больше напомнила мне старуху, нежели юную девушку.

— Быть королевой драмы доставляет удовольствие только в том случае, когда ты при этом ослепительно выглядишь, — попыталась отшутиться Зои. Это тоже была лишь частичка остроумия, которым она могла сразить меня раньше.

В нерешительности я отлепилась от дверного проема и села на стул, который стоял возле кровати. Я взяла Зои за руку и сжала ее. Этого оказалось достаточно, чтобы снять маску с моей подруги и увидеть слезы на ее глазах.

Она прошептала:

— Хорошо, что ты пришла.

— По-другому и быть не могло! — ответила я.

После того как Зои мне, наконец, призналась, что с ней случилось, и почему она нерегулярно отвечала на мои сообщения я бросила все свои дела, чтобы сразу же купить билет на поезд до Женевы. Видимо, там находилась специализированная клиника для больных лейкемией. По воле случая, на данный момент мы жили всего в трех часах езды друг от друга. Оставшиеся дни до выходных были настоящей пыткой. Ну, зато так я могла придумать себе правдоподобное алиби, почему буду отсутствовать всю субботу.

— Твои родители в курсе, что ты здесь? — спросила Зои, словно прочитав мои мысли.

В ответ я многозначительно вздохнула. Они бы ни за что не отпустили меня. Мне, наверное, грозил бы домашний арест на следующие двадцать лет, узнай мои

родители, что я поддерживаю связь со своей «старой жизнью».

Это было против правил, и за все десятилетия я нарушила их только ради Зои. Единственная подруга, которую не волновало, насколько я была странной, закрытой и резкой по отношению к ней.

— Папа сейчас немного на нервах, потому что нам снова нужно переезжать, — пояснила я. Это было правдой. — Пока они преследуют нас, нам больше ничего не остается. — И снова правда, по крайней мере, частично.

В конце концов, должна же я была что-то рассказать Зои, когда мы в тот раз просто внезапно уехали. Достаточно приукрашенная история о нашей семье под программой защиты свидетелей показалась мне наиболее правдоподобной. Плюс ко всему, это объясняло то, почему Зои никому не должна разглашать, что с нами стало.

— Думаю, у тебя будут проблемы.

Я ухмыльнулась:

— Мне не привыкать.

Вообще, я никогда не попадала так часто под домашний арест, как во время общения с Зои. И никогда не мирилась с этим так просто. Раньше особо никто не был заинтересован в том, чтобы пригласить меня к себе в гости или чтобы взять меня с собой на вечеринку. Только благодаря Зои я впервые узнала, что такое социальная жизнь.

— Хорошо, но ведь здесь... — проворчала моя подруга и осмотрела палату, — ... здесь тебе не школьный бал. Тут нет наших придурковатых одноклассников, по которым родительский ремень плачет. — Она попыталась скорчить гримасу. — Такое чувство, будто твоя жизнь теперь стала печальной, Май-Май.

Чистая правда, но это было ничто в сравнении с кошмаром, через который предстояло пройти Зои. В последних голосовых сообщениях она рассказала все о своей

лейкемии. Якобы уже нашелся донор стволовых клеток, но ей все равно нужно было сначала завершить курс химиотерапии.

— Ты заслуживаешь донора, — заверила я ее. — И ты со всем справишься.

Крупная слеза скатилась по впалой щеке Зои:

— Ну, раз уж ты так говоришь...

Я еще никогда не видела ее в слезах. У меня застрял ком в горле. Зои была такой храброй и, тем не менее, уже почти сдалась. Это было очевидно. В тот самый момент я приняла решение. Затея была определенно рискованная. И мы находились в очень неподходящем для этого месте, но Зои не смогла бы продержаться дальше без надежды.

— Я не просто говорю это, я знаю. У тебя получится. — Я пристально посмотрела в глаза подруги и вложила всю свою силу убеждения в следующие два слова:

— Верь мне.

Густой туман на мгновение обволокло темные глаза Зои, прежде чем вернулся их привычный блеск. Она благодарно улыбнулась мне и заметно воодушевилась.

Разумеется, Зои не подозревала, что я с ней сделала. На самом деле мне тоже это не было известно наверняка. Втайне я звала это силой слова. Если это удавалось правильно «включить», мы с моей семьей могли оказывать таким образом влияние на других. Но мы мало говорили об этом. Никто никогда не объяснял мне, как работает эта способность или как следует ее применять. Я даже подозревала, что мои родители манипулировали мной и братьями, чтобы мы не могли ничего выяснить об этом. Единственное, что я знала наверняка, — на этот дар нельзя полагаться. Иногда у меня получалось все перевернуть, иногда нет. В этот раз удача мне улыбнулась. Зои оживилась, словно по нажатию кнопки. Она затараторила, рассказывая последние сплетни

из моего прошлого класса и расспрашивая о моих братьях и сестрах. Вернее сказать, она спрашивала лишь о старшем брате, Нике. Зои нравилась его темная шевелюра, да и вообще она всегда находила Ника чертовски горячим. Как же я по ней скучала...

Мы болтали почти целый час до тех пор, пока в палату не промаршировала полная медсестра и не перебила нас.

— Бог ты мой, что вы здесь до сих пор делаете, юная леди? — она одарила меня критическим взглядом. — Время для посещений истекло! Ты здесь одна? Где твои родители?

— Это Майя — моя подруга с танцевального курса, — ответила Зои вместо меня. — Она недавно переехала и теперь живет слишком далеко отсюда, так что мы не можем видеться часто. Возможно, вы могли бы сделать разочек исключение, сестра Агнес? — энергичная нота в голосе Зои напомнила мне о прошлых временах. Я улыбнулась. Как там говорилось? «Вера может горы свернуть».

— Еще одна танцовщица, значит. Как здорово, — пропела медсестра воодушевленно, пока проверяла бытовое оборудование и трубки. — Я думаю, это очень похвально, что ты поддерживаешь Зои. Но мне все равно придется попросить тебя уйти. Если хочешь, можешь позвонить своим родителям из сестринской комнаты и попросить их забрать тебя.

— Не стоит, родители ждут ее внизу в машине, — солгала Зои, не моргнув глазом и добавила, подмигнув мне:

— Иди уже, я напишу тебе. И передай Нику от меня привет!

Сестра Агнес выпроводила меня из комнаты и захлопнула дверь перед моим носом.

Пятиминутная радость. Тем не менее оно того стоило.

Я взглянула на часы. Если поторопиться, то можно было бы успеть даже на более ранний поезд до Лиона,

чем планировалось. Все равно я чувствовала себя здесь не особо комфортно. Больницы стоят первым пунктом в списке мест, от которых нам при любых обстоятельствах следует держаться подальше. Я не имела ни малейшего понятия почему, но мне совсем не хотелось этого выяснять.

Ожидая лифт, я пыталась откопать телефон в моей переполненной сумке через плечо. Зои окрестила ее «Бермудским треугольником Май-Май», потому что там пропадали вещи и появлялись снова только годы спустя.

Когда я, наконец, нашла телефон, на дисплее отображалось сообщение. Как и ожидалось, оно было от Зои: «Сестра Агнес говорит о тебе без умолку. Она сказала, ты напоминаешь ей любимую куклу ее дочери. Довольно стремно, как по мне!»

Я вздохнула и закатила глаза. Сейчас мне уже не привыкать к вечным сравнениям с куклой. Эта медсестра была не первой, кто остался под впечатлением от моего низкого роста, бледной кожи и непослушных темных кудрей на голове. Почти каждый находил это «милым». Каждый, кто не имел ни малейшего понятия, как было сложно при этом не выглядеть, словно несовершеннолетнее вечно простуженное пугало.

«Надеюсь, ее дочь не выдумана, и она не запрет меня в подвале вместе с другими своими «куклами»...» — напечатала я и тут же получила в ответ от Зои поток ужасающих и ухмыляющихся смайликов.

Глухой удар заставил меня оторвать взгляд от телефона. На другом конце коридора двое мужчин спорили между собой. Один прижал другого к стене и тихо в чем-то пытался его убедить. Поскольку освещение в коридорах уже приглушили, я не могла ничего толком разглядеть. Но на мужчинах были зимние пальто и тяжелые сапоги, так что это явно были не пациенты. Что-то во мне сопротивлялось, толкалось изнутри и пы-

талось сквозь мою кожу пробиться наружу. Я растерла руки через куртку. Мне было знакомо это чувство, и я ненавидела его. Казалось, будто крошечные насекомые мучительно медленно роились под моей кожей. Кроме того, обычно это происходило только дома, когда мои родители...

Лифт прибыл с характерным коротким писком. Я быстро проскользнула внутрь и несколько раз нажала на кнопку первого этажа. Как только лифт закрылся, неприятное чувство утихло. Я вздохнула с облегчением, но в последнюю секунду между дверьми протолкнулась черная кожаная перчатка. Внутри застряла увесистая ладонь, которая принадлежала мужчине средних лет с небольшой проседью. Прежде чем зайти в кабину лифта и заполнить ее своим грозным присутствием, он бросил на меня тяжелый взгляд своих темно-серых глаз. Я вжалась в угол и почувствовала себя еще меньше, чем и без того была. Видимо, это был один из тех мужчин, у которых только что произошла потасовка. Кроме них в коридоре никого не было.

Двери лифта снова закрылись, заперев меня на следующие четырнадцать этажей вместе с этим странным типом. Теперь он отвел от меня свой сосредоточенный взгляд, так что я могла тайком рассмотреть его. Лицо мужчины было угловатым и покрытым шрамами, но тем не менее это выглядело по-своему привлекательно. Длинные волосы были собраны на затылке в хвост, и это идеально подходило его суровому, но ухоженному внешнему виду. Он выглядел как телохранитель русского криминального авторитета, который мог и шефа в Оперу сопроводить, и надрать кому-нибудь задницу в темном переулке. Имел ли он отношение к неприятному чувству, что сейчас копошилось под моей кожей? Размышляя над этим, краем глаза я заметила, как пол в противоположном углу начал растворяться. Серый линолеум

скручивался, а тени оттуда разрастались, словно пальцы, пытающиеся на ощупь добраться до нас из другого измерения. Вот черт, только не это. Я же использовала свой дар совсем чуть-чуть.

Темные пальцы соединились и превратились в щупалеца с мигающими фиолетовыми и зелеными наростами. Это были вихри хаоса, у которых не было плана или траектории движения. Они бесцельно двигались в поисках жертвы. Непредсказуемые надоедливые твари... И они напали на мой след. В панике я посмотрела на табло лифта. Мы доехали только до восьмого этажа. Вот черт. Неважно, насколько медленно здесь расплодился хаос — пока мы не добрались до первого этажа, вихрь в любой момент мог настичь и поглотить меня.

Я отошла в сторону, чтобы уклониться от вьющихся щупалец, которые уже поглаживали носки моей обуви. Мне едва удалось не столкнуться с высоким мужчиной, который снова наблюдал за мной, нахмурившись. Я уже хотела было заверить его, что не сошла с ума, как вдруг мое сердце пропустило удар. Позади мужчины тоже разрастался огромный вихрь хаоса, который уже готовился жадно схватить его. О боже! Нужно было что-то сделать, нужно было его предупредить! Я набрала воздуха в легкие, но... не смогла подобрать слов. Что мне следовало сказать? Что какой-то невидимый монстр вот-вот проглотит его? Я снова почувствовала легкое прикосновение к носкам моей обуви. Тени на полу вновь нашли и окружили меня. Мне оставался только один большой спасительный рывок в направлении дисплея лифта. В тот же самый момент, когда я собиралась выпалить мужчине выдуманную историю о том, почему нам следует срочно покинуть лифт, он протянул руку через мое плечо и нажал одну из кнопок. Почти мгновенно лифт остановился, и двери открылись. Я выпрыгнула наружу

как раз вовремя, прежде чем тени обвили вокруг моих лодыжек и схватили меня.

— Возможно, вам тоже следует пойти по лестнице, — пробормотала я. — Лифты... небезопасны...

Лифты небезопасны? Ничего глупее мне еще не приходило в голову! Захотелось вдруг ударить себя по лицу ладонью. Я бы так и сделала, не подорви это мой авторитет еще больше. Но было не похоже, что мужчину тревожили мои слова. Он криво ухмыльнулся, напоминая этим скорее дикого зверя, нежели человека.

— Тебе следует быть осторожной, лестницы тоже небезопасны, — пробурчал он и наступил своим тяжелым ботинком на вихрь хаоса, что хотел последовать за мной из лифта. Тени рассеялись. — Беги!

В тот же момент двери захлопнулись, и мне показалось, что нечто блеснуло медным светом. Несколько секунд я стояла в растерянности, но затем вспомнила о предупреждении странного мужчины и побежала прочь. Его слова снова и снова отдавались эхом в моих ушах. Особенно в тот момент, когда первые темные щупальца выползли из стен лестничной клетки и попытались меня схватить. Но они просто вяло ощупывали все вокруг. Можно было без проблем увернуться от них, так как замкнутое пространство лифта больше не ограничивало меня. На первом этаже я выскочила через главный выход и побежала в направлении вокзала сквозь наступающую ночь. На автобусе ехать не стоило, поскольку я была еще не достаточно далеко от больницы. Не лучшая идея снова лезть в закрытое пространство, ведь вихри хаоса могли появиться в любой момент.

Я разрешила себе перевести дух, только добравшись до платформы. Пробегка на холодном осеннем воздухе помогла мне побороть первоначальный шок. Я облокотилась на свои колени и попыталась привести мысли в порядок. Конечно, в последние десятилетия уже не

раз случалось, что небольшие вихри хаоса иногда давали о себе знать. Как правило, в тех случаях, когда я использовала свой дар на ком-то вопреки запретам. Но сегодня вихри были энергичнее и агрессивнее чем обычно. Вдруг это все и в самом деле именно из-за больницы? Или к этому причастен тот незнакомый мужчина? В конце концов, то отвратительное ползущее чувство я испытывала, только когда кто-то использовал силу слова недалеко от меня. Он был одним из нас? Он мог видеть хаос в лифте или же мне это все просто показалось? Теперь, на достаточно большом расстоянии от больницы, я прокляла себя за то, что убежала. У этого человека могли быть ответы на все вопросы, которые уже давно не давали мне покоя. Больше всего мне хотелось вернуться назад, но я знала, что его там уже не было. Как и моих шансов узнать всю правду...

Расстроенная, я рухнула на скамейку. Сегодня мне довелось почувствовать себя такой свободной, как никогда прежде. Это было мое личное приключение — впервые в одиночку отправиться в большой мир. Конечно, эта поездка была для меня большим риском. Слишком большим, насколько в этом теперь можно было убедиться. Все могло закончиться очень плохо. Я не боялась. Ну ладно, возможно, чуть-чуть. Но больше всего меня мучили угрызения совести. И я должна была признать, что родители небезосновательно запретили такие одиночные вылазки.

Через полчаса я сидела в поезде до Лиона. При удачном стечении обстоятельств можно было успеть домой к девяти и подтвердить свое алиби с походами по магазинам.

Раздался женский голос:

— Предъявите билет, пожалуйста.

Женщина относилась к разряду пожилых проводниц с огромным крючковатым носом. В ее французском слы-

шался сильный акцент, но я все равно понимала ее. Для нашей семьи это никогда не было проблемой. Мы освоили все языки, и нам не потребовалось для этого много времени. Почему так? Это один из многих вопросов, ответы на которые мне задолжали родители. Однажды я спросила отца об этом, когда была еще маленькой. Тогда он просто сказал, что это у нас в крови.

Тепло улыбнувшись, я показала контролеру приложение со своим билетом. Она просканировала штрихкод и осмотрела меня скептически:

— Сколько тебе лет, девочка?

— Мне недавно исполнилось шестнадцать, мадам, — в восьмой раз, если быть точной. До этого мне было в течение пятнадцати лет пятнадцать. А до этого четырнадцать лет подряд четырнадцать. М-да, что тут сказать... Суший ад — на целую вечность застрять в подростковом возрасте.

Скептический взгляд проводницы никуда не делся, и мне стало ясно, что последует дальше. Так что я достала конверт из моей сумки-Бермудского-треугольника и протянула его прямо под нос проводнице. Когда тебе вечно шестнадцать и ты хочешь более-менее свободно передвигаться, приходится пользоваться подобными уловками.

— Здесь письменное разрешение от моих родителей, — пояснила я ей на идеальном французском. — В Женеве живет моя тетья, я приезжала к ней в гости. Нет повода для беспокойства. Уверю вас.

Контролер изучила бумагу, которая, разумеется, была подделкой. В этот момент зазвонил мой телефон. Это была мама. Я пожала плечами извиняющимся жестом и указала на дисплей, тем самым развеяв последние сомнения проводницы.

Проводница прошла дальше, позволив мне спокойно ответить на звонок: